

Прометей фортепиано

Однажды на вопрос: «Кто ваш любимый композитор?» — Святослав Рихтер ответил: «Тот, который совсем не писал фортепианную музыку, — Вагнер». А потом пояснил: «Вагнер перешагнул рамки своего профессионализма. У него все сливается — музыка, театр, литература, дирижирование...»

Ответ Рихтера обнажает сокровенное — жизнь его духа в сфере всех искусств, его жажду художественного синтеза. Не случайно в юности он создавал собственные музыкальные спектакли, выступая как композитор, драматург, режиссер и актер. До 22 лет колебался в выборе между музыкой и сценой. И даже когда начал профессиональную деятельность как пианист-концертмейстер в Одесском театре оперы и балета, все еще не помышлял о карьере пианиста, а мечтал о... дирижерстве. Только приезд в Москву в 1937 году и встреча с Генрихом Нейгаузом окончательно решили судьбу молодого музыканта. Он говорил впоследствии: «Пианистом меня сделал Нейгауз» (единственный из признанных им педагогов; до Нейгауза Рихтер не учился музыке нигде).

Но, может быть, именно благодаря «ренессансной» культуре Нейгауза Рихтер — став пианистом, не перестал быть, по существу, и композитором, и дирижером, и артистом-режиссером, а впоследствии и живописцем. И все эти профессии слились в грандиозном сплаве его пианизма, равного которому не знал XX век.

Давно известно: у Рихтера нет «нелюбимых» композиторов. Он знает и играет абсолютно все, что написано для фортепиано и не только для фортепиано. Еще студентом переиграл он всю музыку — ансамблевую, оперную, симфоническую (в четырехручном переложении) и приобщил к ней коллег-консерваторцев. Таких «рихтеровских» музыкальных собраний студенческого кружка состоялось около ста (!). И больше такого в истории Московской консерватории не повторялось. Об универсальности и феноменальной трудоспособности Святослава Рихтера слагаются легенды. «Мне почему-то всегда приходит в голову сравнение с Прометеем, добывающим людям огонь», — пишет пианистка, профессор Московской консерватории Вера Горностаева. — Его неудержимость в работе поражает».

В свой магический круг музицирования и многочасовых трудов за инструментом, где, как отмечают очевидцы, как бы стерты грани между занятиями, репетициями и концертом, Рихтер втягивает множество талантливых молодых музыкантов. Так реализуется этическая, могучая воспитательная миссия великого артиста. Однажды 13 студентов-духовиков согласились выучить с Рихтером Камерный концерт Альбана Берга. Они собирались на квартире у пианиста в 8 часов утра и в 4 часа дня, а иногда и ночью. И так день за днем, целый год. «Мы видели каменотеса, — рассказывали они, — учились неистовому и вдохновенному труду простой металл превращать в золото».

Свое позднее вступление на артистический путь он сумел компенсировать буквально за один вечер, а именно 26 ноября 1940 года, когда в Малом зале Москов-

ской консерватории триумфально дебютировал Шестой сонатой Прокофьева. Взойдя на вершину исполнительского мастерства и обретя легендарную мировую славу («пианистом века», «лицетворением гения русского народа» называла его зарубежная пресса), он продолжал «расти». Он продолжал свой путь к совершенству, хотя иным казалось — выше подняться уже невозможно. Сверхмощный дух Рихтера, помноженный на виртуозное дарование, меняет облик его пианизма, постоянно заставляя воображение слушателя врасплох. Как писал музыковед Яков Мильштейн, «с годами артист становится все более чело-вечным. Заметно вырисовывается его заветная цель — служение людям».

Его не зря называют «культуртрегером». Он долго боролся за «своего» Прокофьева, за Шуберта (большинство произведений которого остались неизданными), за «своего» Шопена или «своего» Брамса, за всех великих русских и советских композиторов, среди которых он чаще других называет Чайковского, Мусоргского, Рахманинова, Шостаковича.

— Мне многого хочется, — говорит Святослав Рихтер. — И не потому, что я честолюбив или разбрасываюсь. Просто я многое люблю, и меня никогда не оставляет желание донести все любимое до слушателей.

Фантазия «культуртрегера» привела Рихтера в последние десятилетия к деятельности организатора и вдохновителя музыкальных фестивалей — уникальных по обстановке, возвышенных и редких по содержанию. Сначала во Франции, в предместье Тура, где в знаменитом «музыкальном амбаре» «Гранж де Мэле» (чудо плотницкого искусства XIII века!), превращенном по идее Рихтера в концертный зал, развернулся невиданный по притяжению артистических сил «Туранский фестиваль»; потом в Москве, в Музее изобразительных искусств имени А. С. Пушкина, где вот уже несколько лет устраиваются «сочиненные» Рихтером «Декабрьские вечера». Сюда стремятся все, кто ищет в музыке нового, неожиданного, чудесного. И оно приходит! То, что не забывается никогда. Об этом могут рассказать, например, те, кому посчастливилось присутствовать на первом представлении в Москве оперы Бенджамина Бриттена «Поворот винта», поставленной в белоколонном зале музея режиссером... Рихтером.

Одной из музыкальных кульминаций последних «Декабрьских вечеров» стало исполнение давно не звучавшего Фортепианного трио Дмитрия Шостаковича (памяти И. И. Соллертинского).

Когда у Рихтера спросили, в чем секрет нового, нетрадиционного интонирования этого сочинения, он воскликнул:

— Какой же тут секрет? Какая тут нетрадиционность? Точное исполнение текста — вот и все. Слава богу, написано Шостаковичем. Что же там еще можно прибавить своего? Но (здесь последовала магическая пауза в возбужденной речи пианиста)!.. нужно честно прочувствовать то, что есть.

Тамара ГРУМ-ГРЖИМАЙЛО.